

Площадь Венцеля в Праге можно считать роковой в жизни Вацлава Гавела. А сам он стал символом сопротивления Чехословакии.

На площади Венцеля стоит первое в Праге железобетонное здание «Луцерна» («Фонарь»), принадлежавшее деду Вацлава Гавела. На той же площади за то, что в феврале прошлого года возложил цветы в память о Яне Палахе, Вацлав Гавел приговорили к 9 месяцам заключения. После отглашения приговора Гавел заявил: «Свое наказание я считаю жертвой во имя добрых дел. Жертва эта пустяки по сравнению с жертвой Яна Палаха, чью память мы почтили».

Основатель и издатель старейшего чешского эмигрантского журнала «Сведети» («Свидетели») Павел Тигрид, сам эмигрировавший в 1948 году, раздумывая, кто бы мог и кто должен стать руководителем политической оппозиции в Чехословакии, нашел лишь одного кандидата — Вацлава Гавела.

«Я живу в стране, где весомость слова и радиоактивное излучение ежедневно подтверждаются санкциями, которые навлекает на себя свободное слово», — так нынешний президент Чехословакии сказал, вручая ему приз мира немецких книгоиздателей. Известный писатель прославился как один из основателей и участников «Хартии-77». При отсутствии в Чехословакии организованной оппозиции это движение за гражданские права стало оппозиционной группировкой. «Хартия-77» не провозглашала никакой программы реформ — она призвала соблюдать конституцию. Она отклоняет как коммунизм, так и социализм — словом, отворачивается от режима,

Вацлав Гавел с женой.

не считающегося с основными, предусмотренными конституцией правами.

«У меня на родине слово «социализм» давно уже превратилось в обыкновенную резиновую дубинку, которой ставшие богачами и ни во что не верящие бюрократы бьют всех свободомыслящих сограждан по спине, называя их «врагами социализма» и «анти-социалистическими силами».

Гавел, конечно, не является ни профсоюзным деятелем, как Лех Валенса, ни интеллектуалом, не согласным с официальной идеологией, как Яцек Курон. Вацлав Гавел — драматург, чьи произведения (9 пьес и 3 одноактные драмы) переведены на все европейские языки (так утверждает театральный журнал ФРГ), они принесли ему европейскую литературную премию (ее вручили в Австрии в 1969 г.), а также две американские награды «Обие» (в

1968 и 1970 гг.). Моральный авторитет, оцененный премией мира немецких книгоиздателей, Гавел приобрел не только благодаря своему творчеству. Этот авторитет доказывает всего лишь, что драматург последовательно сторонился прямой политической деятельности.

Абсурдные ситуации стали материалом для драматурга Вацлава Гавела. Драматургию театра абсурда он постепенно превратил в критику общества, деформированного бюрократизмом. Так, пусть косвенно, критикуются партийные функционеры, которые верят, что диалектический материализм действительно наука и что он позволяет навести бюрократический порядок в повседневной жизни.

В отличие от Адамова, Беккета, Ионеску, а также Мrożека, Гавел не подчеркивает,

что сама жизнь является абсурдной, иррациональной. В. Гавел как интеллект — критический рационалист, а значит, он против любых обобщений, это ему чуждо. Абсурд для него означает однородную, заключенную в рамки псевдоначужности жизнь.

Очевидный дух абсурда мог бы быть выведен из ощущения «отделенного человека». Дед Гавела со стороны отца был промышленником, отец — архитектором, который возвел квартал вилл, а его дядя в той же части города строил съемочное ателье, стал работать в кино. Мать В. Гавела — дочь известного чешского публициста, посла, который несколько дней пробыл даже министром. Мальчик чувствовал себя отделенным от других сначала из-за привилегированного положения в школе, а с 1948 года — как сын классовых врагов. Абитуриентам буржуазного происхождения, а тем более детям крупной буржуазии разрешалось продолжать учебу лишь в случае подтверждения, что они не подходят для физической работы. Но и это еще не являлось гарантией.

В. Гавел стал учеником лаборанта-химика, одновременно он сдал выпускные экзамены, два года изучал национальную экономику, а после военной службы в народной армии был рабочим сцены. Сначала в театре АБЦ, затем у Яна Гросмана. В этом «Театре у перил» он и остался до 1969 года уже как драматург. «По случаю своего повышения я чувствовал себя униженным», — говорил Гавел о своей молодости.

В первых произведениях для театра В. Гавел анализирует абсурдность жизни тра-

диционного буржуазного и мелкобуржуазного общества, попавшего под гегемонию сталинских доктрин и объявившего самому себе классовую борьбу.

Его отказ покинуть страну или примириться с режимом сделали Гавела символом сопротивления. Однако этому символу нельзя давать политическую трактовку. Это всего лишь принцип порядочности. Гавел отказался стать диссидентом — профессионалом. Провозгласив идеи движения за гражданские права «Хартия-77», он призывал своих последователей не выходить на улицы в день 21-й годовщины введения войск стран Варшавского Договора. Гавел чувствовал, что такая акция безнадежна. Он призывал правительство при каждом удобном случае вступать в диалог со своим поколением, поскольку знал — будущее поколение уже не прислушается к голосу разума. Он полагался на гуманизм и разум, а не на политическую структуру.

«Сначала было слово. Это чудо, которому мы должны быть благодарны за то, что являемся людьми. Но это одновременно засада, экзамен и тест. И, пожалуй, более крупный, чем вам хотелось бы [...] Одно и то же слово в один момент может прозвучать послушно, а в другой — гордо. Удивительно послушно и незаметное слово превращается в гордое, гордое в послушное только постепенно и с трудом». (Из выступления Вацлава Гавела при вручении приза мира немецких книгоиздателей).

Подготовила
К. СПРИНДЖУНАЙТЕ.

Редактор
Г. ВАЙНАУСКАС.